

Антитеза: дизъюнкция или конъюнкция противоположностей? (на материале русских и белорусских паремий)

Е. В. Ничипорчик

Использование антонимов в речи традиционно считается одним из источников выразительности. Решение вопроса о том, все ли контактные употребления антонимов в речи следует считать экспрессивными, у исследователей не вызывает разногласий, ибо очевидным является факт, что использование контрастных по значению языковых единиц в речи квалифицируется как эмфатическое или неэмфатическое в зависимости от сферы употребления, интенциональных установок продуцента речи. Некоторые исследователи считают релевантным в этом отношении даже степень уникальности, логичность / паралогичность противопоставлений [7, 201].

Употребление антонимов в речи с эмфатической целью традиционно именуется антитезой. Антитеза, таким образом, представляется общим терминологическим обозначением всех разновидностей игры на контрастных значениях слов, за исключением тех приёмов, которые традиционно квалифицируются как тропы (имеется в виду оксюморон и антифразис) [13, 206], [5, 396, 397]. Следует заметить, однако, что это не единственная точка зрения на то, что следует понимать под антитезой. Бытует и узкое понимание термина "антитеза". Узкое понимание данного термина подразумевает именование термином "антитеза" только одного из приёмов игры на контрастных значениях слов, входящего в парадигму функциональных разновидностей фигур речи, основанных на антонимии [3, 423, 426; 4, 36]. Почему же вопрос о том, какие именно эмфатические употребления антонимов в речи следует квалифицировать антитезой, в настоящее время не находит однозначного решения?

Действительно, приёмы игры на контрастных значениях слов достаточно многочисленны. Анализ описанных лингвистами разновидностей употребления слов с контрастным значением в речи позволил определить набор критериев, по которым может быть осуществлена дифференциация приёмов игры на контрастных значениях слов: структурный, контекстуальный, логический, параметрический, орнаментальный, функциональный. Системное описание приёмов игры на контрастных значениях слов по всем выделенным критериям пока не осуществлено, тем не менее, контуры этой системы в целом определены.

По структуре различают простую антитезу (в широком понимании этого термина), основанную на использовании одной антонимической пары, и сложную антитезу, основанную на использовании двух и более антонимических пар [4, 35; 10, 112]. Учёт степени эксплицированности отношений контраста (контекстуальный критерий) позволяет выделять явную и скрытую антитезу [8, 29]. В зависимости от того, представляются ли противопоставления правильными или неправильными с точки зрения логики (логический критерий), различают собственно антитезу и квазиантитезу (квазилогическую или паралогическую антитезу, где отношения контраста поддерживаются только структурой и не поддерживаются вопреки ожиданию антонимическими отношениями компонентов: *В огороде бузина, а в Киеве дядька*) [13, 207]. Релевантным для дифференциации приёмов игры на контрастных значениях слов является также то, какая часть значений слов участвует в формировании отношений контраста (параметрический критерий). Этот критерий позволяет противопоставить грамматическую антитезу, в которой словоформы одной лексемы представляются как контрастные по своему грамматическому значению, всем другим разновидностям игры на контрастных значениях слов: *О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда он открыл Америку, а когда открывал её* (Ф.М. Достоевский) [13, 207]. По наличию синтеза с другими

средствами выразительности собственно антитезу (её можно было бы определить как чистую антитезу) отличают от тех фигур, в которых свойства антитезы синтезируются со свойствами других фигур либо другими источниками выразительности (синонимией, игрой на внутренней форме слова), такими фигурами являются антиметабола, синкрисис, парадиастола, аллойдоза (орнаментальный критерий) [13, 203, 206].

Имеющиеся попытки дифференцировать приёмы игры на контрастных значениях слов в функциональном отношении пока не привели к созданию чёткой и исчерпывающей классификации. Это обусловлено, с одной стороны, различными трактовками термина антитеза, с другой стороны, отсутствием единства в определении того, какого рода смысловая нагрузка должна быть квалифицирована как функция.

Исследователи Т.Г.Хазагеров, Л.С.Ширина, придерживающиеся широкого понимания термина антитеза, считают, что сопоставление компонентов антитезы имеет три основные цели: 1) изображение одного компонента на фоне другого – *не белый, а чёрный* (такая разновидность антитезы именуется акротезой); 2) изображение целого посредством характеристики двух крайних компонентов – *и чёрные, и белые* (амфитеза); 3) изображение промежуточных, средних звеньев множества – *не белый, но и не так чтобы чёрный* (диатеза) [13, 206].

Следует заметить, что использованные Т.Г.Хазагеровым и Л.С.Шириной для обозначения функциональных разновидностей антитезы термины в интерпретации создателя этих терминов Л.А.Введенской служили несколько иной цели. Они использовались для обозначения не функциональных разновидностей антитезы, а стилистических фигур, которые рекомендовалось отличать от антитезы [3, 423, 426].

Л.А.Введенская противопоставляет антитезе акротезу, амфитезу и диатезу, полагая, что антитеза “основана на сравнении двух противоположных явлений или признаков, присутствующих, как правило, разным предметам” (*Забывается быстро плохое, а хорошее долго живёт* (К.Ваншенкин)), а акротеза, амфитеза и диатеза основаны не на сравнении, а на утверждении противоположных признаков. Функция акротезы связывается с утверждением одного противоположного признака (*В них, в этих слёзах мужика, (Встань с правдою вровень строка!) Не слабость, а мужество было, Да, мужество! наверняка!* (С.Викулов)), амфитезы – двух противоположных признаков (*Пишет из Англии дочь горняка, Пишет о мире и стар и мал* (Е.Шевелева)), диатезы – среднего признака путём отрицания противоположных признаков (*Не велики и не тесны, что называется, как раз* (К.Ваншенкин)) [3, 426, 427, 429]. С такого рода оппозицией можно было бы согласиться, если бы дифференцирующий критерий для антитезы был более определённым. Ведь в логическом плане высказывания с антитезой так же, как и высказывания с амфитезой, представляются утверждением о наличии двух противоположных признаков, хотя (в отличие от амфитезы) и приписываемых разным объектам (см., например, типичную антитезу – *Мужик умён, да мир дурак* [6, 441]). Кроме того, как показывают приводимые Л.А.Введенской в качестве иллюстрации антитезы контексты, в высказываниях с антитезой сравнение не всегда явное: *И гордилась страна не врагом, не поэтом, Не ригсдагом и не королевским двором, А своею традицией нейтралитета – между правдой и ложью, злом и добром* (Е.Шевелева) [3, 425]. Из этого следует, что выдвинутый критерий не может быть рассмотрен в качестве основополагающего.

Исследователь И.Б.Голуб разделяет мнение В.А.Введенской относительно необходимости противопоставления антитезы другим стилистическим фигурам, основанным на употреблении антонимов [4, 36, 37]. Правда, И.Б. Голуб не конкретизирует при этом, что именно следует понимать под антитезой. Полагаем, что определение было бы достаточно широким, если не расплывчатым, о чём свидетельствуют приводимые в пособии иллюстрации антитезы. Ср: *Ты богат, я очень беден. Ты прозаик, я поэт* (А.Пушкин); *Силу подлости и злобы Одолеет дух добра* (Б.Пастернак) [4, 35,36]; *И ненавижим мы, и любим мы случайно, Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви* (М.Лермонтов); *На западе возникали империи и гибли. Из великих становились малыми, из богатых нищими* (А.Толстой).

И.Б.Голуб описывает несколько контрастных антитезе функций контактных употреблений антонимов, а именно предлагает отличать от антитезы такие употребления антонимов,

функция которых состоит: 1) в отрицании контрастных признаков у предмета (*Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так...* (В.Высоцкий)), 2) усилении, подчёркивании значения одного из контрастных признаков, при отрицании другого (*Жив, а на умер демон во мне* (М.Цветаева)), 3) изображении полноты охвата явлений (*И поздно желать, всё минуло: и счастье и горе* (В. Соловьёв)), 4) отражении чередования действий, смены явлений, наблюдаемых в жизни (*Помиримся. И поссоримся. И снова ты не уснёшь. Мы сложим наши бессонницы в сплошную белую ночь* (Р.Рождественский)) [4, 36,37,38]. Не вполне ясным, однако, почему в классификации функций контактных употреблений антонимов, выстраиваемой И.Б.Голуб, значения противопоставления, сопоставления, соединения и трансформации противоположностей, приписываемые, судя по примерам, антитезе, противопоставляются значениям соединения в отрицательном варианте, охвата и чередования.

Исследователь М.Р.Львов, предлагая свою функциональную дифференциацию контактных употреблений антонимов в речи, рекомендует различать понятия “семантическая функция” и “стилистическая функция”. Значения противопоставления, сопоставления, взаимоисключения, чередования противоположностей, превращения одной противоположности в другую, охвата, соединения, которые представляют контактные употребления антонимов в речи, М.Р.Львов квалифицирует как семантические функции антонимических употреблений [9,22]. Дифференциацию семантических функций исследователь осуществляет с опорой на понятие “синтаксические отношения”, а описание семантических функций сопровождает приведением “диагностических контекстов”, отражающих характер связи: противопоставление – (не) *X*, а *Y*; *X*, но *Y*; *X* || *Y* (буквенные индексы служат для обозначения номинаций, находящихся в отношениях контраста), сопоставление – *X* и *Y*, взаимоисключение – *X* или *Y*, чередование – *то X*, *то Y*, превращение – *X* → *Y*, охват – *и X*, и *Y*; *от X до Y*; *с X до Y*; *с X на Y*, соединение – *X* и *Y*; *ни X*, *ни Y* [9, 22–23].

Понятие “стилистическая функция” используется М.Р.Львовым для дифференциации стилистических фигур, основанных на антонимии, к числу которых, по мнению исследователя, относятся антитеза, мнимая антитеза и оксюморон. При этом антитеза трактуется как “приём противопоставления контрастных по своему характеру словесных образов, раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого, несовместимость различных сторон предмета, явления или самих предметов и явлений” [9,24]. Нельзя не заметить, что некоторые примеры, приводимые М.Р.Львовым в качестве иллюстрации антитезы, несколько противоречат искомому определению. Ср.: *Дома новы, но предрассудки стары...* (А.С.Грибоедов) [9,24] и *Тянулась жизнь... – богатая длинными горестями и бедная короткими радостями* (М.А. Шолохов) [9, 25], в последнем примере противоположные признаки являются скорее совмещёнными, чем противопоставленными.

Мнимой антитезой М.Р.Львов считает стилистический приём обозначения противоречивой сущности явлений, диалектики жизни [9, 25]. Данное определение явно не является исчерпывающим, так как лишь “перекрывает” часть определения собственно антитезы. Приводимые для иллюстрации примеры показывают, что речь идёт о соединении противоположных характеристик одного предмета, контрастных явлений в рамках некоего целого множества: *И ненавидим мы, и любим мы случайно, Ничем не жертвуя ни зlobe, ни любви, И царствует в душе какой-то холод тайный, Когда огонь кипит в крови* (М.Ю.Лермонтов); *Мир многогранен, многоцветен, Порою добр, жесток подчас, Он щедр и скуп, богат и беден; Взглядишь в него – он весь для нас* (В.А.Артынцев) [9, 25].

Трактовка М.Р.Львовым оксюморона, в принципе, не расходится с традиционной, если не принимать во внимание тот факт, что исследователь причисляет оксюморон не к тропам, а к фигурам: “оксюморон – стилистическая фигура, представляющая собой сочетание несовместимых, противоположных по значению слов, образно раскрывающая в обозначаемом взаимоисключающие и противоречащие друг другу начала”: *образованная невежественность* (Н.С.Лесков); *бездельник деловой* (А.С.Пушкин); *Светила нам только злоеющая тьма* (А.Ахматова) [9,25,26]. Заметим, кстати: есть и более широкое понимание оксюморона. В.П. Москвин считает, что оксюморон представляют не только конструкции с подчини-

тельной связью: *вечное мгновенье* (А.Блок), *правда лжи* (М.Цветаева), конструкции с координацией: *Что за умница дурак!* (С.Я.Маршак), но и конструкции с сочинительной связью: *Ты и убогая, ты и обильная* (Н.Некрасов) [10, 40, 41].

Итак, анализ различных подходов к выстраиванию функциональной типологии эмфатических контактных употреблений антонимов в речи показывает: с каких сторон ни осуществлялась бы функциональная классификация приёмов игры на контрастных значениях слов, для диагностики функций должны быть использованы синтаксические конструкции с их смысловыми отношениями. Это обусловлено тем обстоятельством, что специфику фигур речи, основанных на контрасте, составляет то, что структура синтаксических конструкций, представляющих эти фигуры, определяется соотношением контрастных понятий в ней. Описание эмфатических функций контактных употреблений антонимов предполагает лишь уточнение, какие фигуры представляют тот или иной тип синтаксической связи, те или иные смысловые отношения. Базовыми логико-синтаксическими категориями для дифференциации функциональных разновидностей игры на контрастных значениях слов могут послужить категории дизъюнкции противоположностей, связанной с идеями противопоставления, сопоставления, несовместимости противоположностей, и конъюнкции противоположностей, связанной с идеей их совместимости.

Обнаружив противоречия в определениях функциональных разновидностей игры на контрастных значениях слов, мы не берём на себя задачу разрешения проблемы, связанной с созданием классификации этих приёмов: это может стать предметом отдельного исследования. Наше обращение к теории вопроса было обусловлено решением задачи, связанной с описанием инвариантных смысловых моделей, репрезентирующих отношения контраста, в одной из языковых подсистем, а именно – паремической. Материалом для анализа явились паремии двух близкородственных языков: русского и белорусского.

Наблюдения показали, что приёмы игры на контрастных значениях слов активно используются в различных по функциональному предназначению типах паремий: и в тех паремиях, где доминирующими являются дескриптивные смыслы, и в тех паремиях, где преобладают оценочные или прескриптивные смыслы. *Лихо помнится, а добро забывается* [6, 467]. *Заработанный ломоть лучше краденого каравая* [6, 160]. *Худого не хвали, а хорошего не кори* [6, 187]. *Правда холодная, а мана тёплая* [2, 312]. *Лепей своя латаная, як чужая хапаная* [2, 333]. *Ліха абходзь, а дабро не мінай* [2, 323].

В дескриптивных суждениях в отношениях контраста могут наблюдаться субъектные, предикатные и сирконстантные номинации, кроме того, контрастирующими могут быть отношения между пропозитивными номинациями и их дефинициями.

Если отношения контраста представлены субъектными номинациями, занимающими позицию подлежащего, то в антонимических отношениях регулярно находятся и предикатные номинации. Такого рода оппозиции отражают процедуру сравнения свойств противопоставленных друг другу вещей и позволяют не только нагляднее представить свойство одной вещи на фоне другой, но и подчеркнуть противопоставленность свойств и вещей по этим свойствам. *Счастливый скачет, несчастный плачет* [6,70]. *Больной лечится, здоровый бесится* [6, 400]. *Глупый киснет, а умный всё промыслит* [6, 431]. *Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая* [6,367]. *Парожня бочка звiниць, а поўная маўчыць* [2, 312]. *Бедны да беднага горнецца, а багаты ад каго хочаш адвернецца* [2, 28]. *Радзіма – матка, чужына – мачыха* [2, 59]. Противоположность признаков, актуализируемых в связи с идентифицирующей функцией номинаций, функцией, которую реализуют словесные знаки в позиции подлежащего, обуславливает противоположность признаков вторичного характера, актуализируемых в связи с предикацией. Логика подобных суждений такова: *Если две вещи противопоставлены друг другу по какому-либо признаку, они противопоставлены друг другу и по иному признаку*. Функция контактного употребления антонимов в паремиях такого рода заключается в выражении значения противопоставления. Если принять точку зрения, согласно которой антитеза является общим наименованием всех приёмов игры на контрастных значениях слов, то такого рода употребления, на наш взгляд, целесообразно было бы назвать ак-

ротезой по тому признаку, что назначение такой игры можно усматривать в подчеркнуто контрастном изображении свойств одного предмета на фоне другого.

Противопоставленность, конфликтность свойств сопоставляемых объектов может быть выражена не только предикатными номинациями, но и номинациями аргументов, сирконстантов, атрибутов. *Убогий мужик и хлеба не ест; богатый и мужика съест* [6,147]. *Богатый о корабле, бедный о кошеле* [6,99]. *В драке богатый лицо бережёт, убогий – кафтан* [6,99]. *Глупый про себя согрешит, а умный многих соблазнит* [6, 442]. *Злой плачет от зависти, добрый от радости* [6,140]. *Бог дае свята, а чорт работу* [2, 29]. *Цэп любіць галоднага, а каса сытага* [2, 104]. *Свой злодзей хоць вуглы пакіне, а чужынец-злачынец нічога не пакіне* [2, 59].

Акротезу можно усматривать и в тех паремиях, где субъектные номинации, репрезентирующие противопоставленные объекты, представлены в детерминантной позиции. Противопоставлению в таких паремиях подлежат как ситуации в целом, участниками которых мыслятся сопоставляемые субъекты, так и отдельные аспекты этих ситуаций. *Глупому счастье, а умному бог даёт* [6, 69]. *Дураку мука, умному честь* [6,86]. *Молодому жениться рано, старому поздно* [6,493]. *Добраму кіў, а гультаяу кіў* [2,267]. *Багатаму і ў полі родзіць, і ў хлеве плодзіць, а беднаму дзе ні кінь, то клін* [2, 27].

Аналогичные смыслы реализуются в паремиях, в которых имеет место местоименная репрезентация субъектов в детерминантной позиции. Дублетное использование местоимений позволяет осуществить дизъюнкцию объектов сопоставления, разделить мир на “одних” и “других”. *Кому жить, а кому гнить* [6, 77]. *Кому тереть, кому тёрту быть* [6, 77]. *Кому сон, кому явь; кому клад, кому шиш* [6, 73]. *Каму бяда, каму смех* [11,446]. *Адным кірмаш, а другім жыцця нямаш* [2, 27]. *Аднаму шчасце ракою плыве, а другі ў няшчасці цэлы век жыве* [2, 27]. *Аднаму льецца, а другому нават і не капае* [2, 26]. Смысл подобных паремий можно определить следующим образом: *Мир делится на одних и других, потому как одним предначинено в жизни нечто хорошее, а другим – плохое.*

Весьма регулярно используется акротеза для выражения контрастных оценок событий и атрибутов. Наименование поляризованных ситуаций и их контрастирующих оценок в паремиях может быть как непосредственным, так и опосредованным (метафорическим). *Удастся – квас, а не удастся – кислы щи*. [6, 269]. *Чужой дурак – смех, а свой дурак – стыд*. [6, 442]. *Много – сытно, а мало – честно* [6,160]. *Жыць за старым – быць у павазе, а за маладым – у знявазе* [2, 119]. *За пчолкаю – у мёд, за жуком – у гной* [2, 67]. *Добрая жонка – дома рай, злая – хоць ты цягу дай* [2, 118].

Наблюдения показали, что логические пропозиции, отражающие противопоставление свойств и оценок поляризованных объектов, могут быть репрезентированы только сложными предложениями. Паремии с акротезой имеют обычно четкое членение на две предикативные части или два более сложных по своей организации структурных блока. Части могут быть соединены при помощи союзных средств либо бессоюзной связью. Между частями устанавливаются отношения противопоставления. Однако не все оппозитивные паремии такой синтаксической организации реализуют функцию, которой наделяется акротеза. Цель игры на контрастных значениях слов может заключаться и в конъюнкции противоположностей.

Объединение противоположных объектов в единое множество осуществляется обычно по релевантному в прагматическом отношении признаку. Так, например, в паремии *Умный не осудит, а глупый не рассудит* [6, 434], употребляемой в речевых актах утешения, дизъюнкты, реализуя функцию охвата, обозначая крайние точки единого множества, фактически преобразуются в конъюнкты. Подчеркнём, что в подобных случаях речь идёт о конъюнкциях элементов смысловой структуры, конъюнкциях, представляющих “механизмы жизни”, а не “механизмы языка”. Таким образом, в синтаксических структурах, ориентированных на выражение значения противопоставления, может быть реализована не только акротеза, но и амфитеза.

Конъюнкции, представляющие амфитезу, т.е. конъюнкции противоположностей с целью показа некоего множества как целого, характеризующегося наличием поляризованных компонентов, могут служить выражению идеи соседства добра со злом. Эта идея реализуется в

нескольких смысловых вариантах: 1) нет "хорошего" без "плохого". Нет пчёлки без жалъца [6, 75]; Нет розы без шипов [6, 75]; Без худа няма добра [2, 182]; 2) "хорош" с одной стороны, с другой стороны "плох": Нравом хорош, да нором негож [6, 257]; Лбом красится, а затылок виши едят [6, 588]; Умысел боярский, да разум крестьянский [6, 588]; 3) "плохое" для одного является "хорошим" для другого: Где умному горе, там глупому веселье [6, 443]; Вайна – каму вяроўка, а каму – дойна кароўка [2, 48]; Дзеўцы вяселле, а карове смерць [2, 33].

Имеет место в русских и белорусских поговорках и такая конъюнкция противоположностей, цель которой заключается в изображении промежуточных, средних звеньев множества, представленного маргиналиями (диатеза). В диатезе противоположности оказываются соединёнными по процедуре их нейтрализации. Диатеза реализуется в большом количестве однотипных поговорок, используемых в основном для выражения значений, связанных с оценочной характеристикой: Ни дар, ни купля [6, 473]; Ни богу свеча, ни чёрту кочерга [6, 257]; Ни рыба, ни мяса [2, 302]; Ни пава, ни варона [12, 203]; Ни сыты, ни галодзен, ни стары, ни малодзен [12, 227]. Подобные поговорки информируют, что некая вещь характеризуется тем, что ни одно из потенциально возможных контрастирующих свойств в этой вещи не обнаруживается.

Контрастными поговорками, выражающим идею конъюнкции противоположностей для характеристики одной вещи, являются пословицы, в которых находит выражение идея несовместимости, взаимоисключения (дизъюнкции) противоположных свойств, качеств для какой-либо одной вещи. У горькой беды нет сладкой еды [6, 141]. Злой человек не проживёт в добре век [6, 130]. Тьма свету не любит – злой доброго не терпит [6, 124]. Казала ліха, што не быць дабру [11, 451]. Або хібіў, або трапіў [2, 179]. Анализируемая разновидность игры на контрастных значениях слов не получила в описаниях фигур речи специального терминологического обозначения. Смысловая модель высказываний, представляющих данную разновидность, такова: Если предмет обладает определённым признаком, то он не может одновременно обладать контрастными этому признаку свойствами и характеристиками.

Не получила специального терминологического обозначения и другая разновидность антитезы, служащая выражению значения чередования, сменяемости противоположностей во времени. В поговорках с антитезой такого рода обычно подчеркивается недолговечность благ, преходящий характер худого, сменяемость категорий добра и зла. Кто с вечера плачет, поутру засмеётся [6, 118]. Не всё коту масленица, будет и великий пост [6, 56]. После грозы ведро, после горя радость [6, 149]. Дзеці, дзеці, добра з вамі ў леце, а зімою – хоць аб печ галавою [2, 31]. Удзень – як кошкі, а ўночы – як птушкі [2, 269]. Адзін раз густа, а другі раз пуста [2, 260]. Следует заметить, что значение противопоставления в подобных структурах является ослабленным, так как контрастирующие понятия, как и в амфитезе, представляют поляризованные свойства либо отношения, характерные для одного объекта, однако, в отличие от амфитезы, свойства и отношения здесь являются разделёнными во времени, временно сменяемыми дизъюнктами: Если в определённое время предмет обладает определённым признаком, то в другое время он может обладать и противоположным данному признаком.

Аналогичные отношения имеют место и в тех поговорках, в которых подчеркивается причинно-следственная зависимость между положительно и отрицательно маркированными ситуациями, между наличием благ и их утратой либо, наоборот, отсутствием благ и их приобретением. Здесь наблюдаются такие варианты смыслов: 1) не познав одной противоположности, не познаешь и другой: Не вкусив горького, не узнаешь и сладкого [6, 149]; Не видав горя, не узнаешь и радости [6, 149]; 2) воспользовавшись одной противоположностью, утратишь другую: Чужое взять – своё потерять [6, 330]; Чужую галубиць – сваю сям'ю згубиць [2, 139].

Нет возможности подвести под имеющиеся терминологические обозначения и такой приём игры на контрастных значениях слов, который отражает парадокс метаморфозы, превращение одной противоположности в другую. Парадокс метаморфозы в поговорках репрезентируется в следующих смысловых вариантах: 1) ничто "незначительное" либо "ущербное" может породить нечто "значительное", "превосходное": Из многих малых выходит одно

большое [6,544]; *На чорным полі белая пшаніца родзіць* [2, 89]; *Маленькая моль шкоду вялікую робіць* [2, 87]; 2) одна противоположность может приобретать черты другой, трансформироваться в другую: *От радости и старики со старухами помолодели* [6,139]; 3) *камара зрабілі слана* [2, 307]. Противоположности, связанные отношениями порождения, трансформации, представляются свойствами либо качественно разных объектов, получившихся в результате преобразований, либо одного объекта, характеризующегося проявлением и первичных признаков, и признаков, полученных в результате метаморфозы.

В оценочных паремиях, представляющих суждения “операционального предпочтения” (термин Н.Д.Арутюновой) [1, 422] с антонимами в качестве конструктивных единиц, обозначенные противоположности противопоставлены друг другу на том основании, что одна из противоположностей лучше, а другая – соответственно хуже: *Лучше с умным потерять, чем с глупым найти* [6,446]; *Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю* [6,446]; *И маленькая рыбка лучше большого таракана* [6,546]; *Лети давать, чым прасіць* [2,86]; *Леней з разумным згубіць, як з дурнем знайсці*[2,148]; *Лети адзін прыяцель, як дзесяць ворагаў* [2, 68]. Такое контактное употребление антонимов целесообразно квалифицировать как акротезу, так как определение, а вернее, оценка одной противоположности производится на фоне другой: *Если имеются две противоположности, то одна лучше, чем другая, а другая соответственно хуже, чем первая*.

В императивных паремиях с антонимами в качестве конструктивных единиц отражаемые отношения между противоположностями нельзя определить однозначно. С одной стороны, контрастирующие явления и характеристики могут быть представлены как связанные причинно-следственной связью: 1) (не) совершив одну противоположность, не приобретёшь другую (термин “совершение противоположности” является условным и служит для обозначения не только конкретных физических действий, но и процессов, состояний): *Не делай людям добра, не увидишь от них лиха* [6,137]; *Учись доброму, худое на ум не пойдёт* [6,125]; 2) совершив одну противоположность, приобретёшь другую: *Учись доброму, а худое само придет* [6,125]; *Уздыхай цяжка, то панясеш лёгка* [2, 270]; *Кінь хлеб-соль ззаду, знойдзеш спераду* [2, 250]. С другой стороны, противоположности могут быть не связаны причинно-следственной связью, а поставлены в один ряд, соединены, представляя множество того, что не следует или следует делать, либо разделены, представляя разные множества. Ср.: *Нового счастья не ищи, а старого не теряй* [6, 296]; *Доброго держись, а худого удались* [6, 125]; *Пасись горького, а не надейся на сладкое* [6, 54]; *З людзьмі жыві, а з богам памірай* [2,43]; *Не бойся ліхога, а бойся ціхога* [2,251].

Итак, исследование характера противопоставлений в русских и белорусских пословицах показало, что антитеза в пословицах может отражать как дизъюнкцию, так и конъюнкцию противоположностей. Отношения дизъюнкции представлены акротезой, конъюнкции – амфитезой и диатезой. Под имеющиеся термины функциональных разновидностей антитезы не могут быть подведены оппозитивные сочетания со значением превращения, а также сочетания, реализующие значения чередования, причинно-следственной зависимости между противоположностями. Как дизъюнктивные, так и конъюнктивные разновидности игры на контрастных значениях слов в русских и белорусских паремиях выступают во множестве смысловых вариантов. Смысловые варианты, репрезентирующие тот или иной приём актуализации контрастных значений, в русских и белорусских паремиях характеризуются тождеством.

Abstract

The author analyzes classification of the contact use of antonyms in speech, describes the invariant semantic models representing the relations of contrast in Russian and Byelorussian proverbs.

Літаратура

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека.– М.: Языки русской культуры, 1999.

2. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склаў Ф.Янкоўскі.– Мн.: Навука і тэхніка, 1992.
3. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
4. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997.
5. Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. Русская риторика. М: Центрполиграф, 2001.
6. Даль В. Пословицы русского народа.– М.: Художественная литература, 1957.
7. Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. – М.: ПРИОР, 1999.
8. Литературный энциклопедический словарь / Под общей ред. В.М.Кожевникова, П.А.Николаева.– М.: Советская энциклопедия, 1987.
9. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А.Новикова. – М.: Русский язык, 1984.
10. Москвин В.П. Стилистика русского языка: приёмы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов.– Волгоград: Учитель, 2000.
11. Прыказкі і прымаўкі / Рэд. А.С. Фядосік: Ў 2 кн. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976 – Кн. 1.
12. Прыказкі і прымаўкі / Рэд. А.С. Фядосік: Ў 2 кн. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976 – Кн. 2.
13. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приёмов / Отв.ред. Е.Н.Ширяев. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.04.03